

■ "Пробуждение" состоялось.

Курьенты - 1995 - 19 янв. - 48

ЗАЙЦЕВ ПРОБУДИЛСЯ. И ОЧУМЕЛ

Вполне мистическим счел день показа своих новых работ Вячеслав Зайцев. 13 января, пятница, зовущая по этому поводу черной; канун загадочного и не совсем понятного всему миру праздника россиян — старого Нового года.

Стечение этих трех обстоятельств позволило самому знаменитому нашему модельеру соединить в одном вечере и порхание по подиуму эфемерных барышень вполне тургеневского облика, и тусовочный грохот группового совокупления, и собственные размышления по поводу места художника в нашем расколшемся на куски привычном мире.

Собственно, модной новостью было явление первое — коллекция "Пробуждение", которой Зайцев продолжил утверждение своего видения одежды будущего для обитательниц российских просторов. Летом, завершая сезон в своем Доме, Вячеслав Михайлович уже указал нашим модницам путь, по которому, в отличие от всего остального мира, мы начнем движение к возрождению, — в одеждах, навевающих воспоминания о женщинах двух ушедших столетий. С лентами, стягивающими платья под грудью и в свободном полете стремящимися вослед своим трепетным обладательницам, изящно семенящим по жизни; перебирая ножками в кружевных панталонах. Умеющих трепетать ресницами и зазывно выпускающих обильные локоны из-под объемных бархатных капоров, придерживаемых узкой ручкой в кольцах. "Воспоминанием о будущем" назвал Зайцев ту первую, разительно отличающуюся от всех предыдущих коллекцию, созданием которой решительно оставил в прошлом женщину деловую, работающую и вечно спешащую в погоне за успехом, то есть привычную глазу "леди — двадцатый век". И если кому-то тот летний показ привиделся капризом или шуткой художника, то с явлением "Пробуждения" можно вполне уверенно утверждать — Зайцев увидел век наступающий разительно отличающийся от уходящего.

Нельзя отрицать, что этот век изумительно красив и романтичен. А девушки в серебристых и нежно-золотистых, непривычных глазу и ощущению ивановских хлопках, в белоснежных, швейцарской

выработки, почти шелковых по виду кружевных тканях опять же из хлопка, в австрийских ярких шелках, в нитяных, плетеных руками шляпах восхитительны. Только отчего-то не очень верится, что именно такими они посемят по дорогам двадцать первого столетия, опираясь на надежные руки спутников в длиннополых сюртуках.

Видно, сомнения гложут и художника. Иначе чем можно объяснить появление второго, идущего вослед первому, показа под названием "Чума"? Где на подиуме мечутся лесбиянки и "голубые". Где рука мастера, одевшего этих разнузданных голпников обоего пола, не может придать им не только привлекательности, но даже простой человечности. Где даже лебедь белую в одеянии невесты грубо и походя насилуют, да она и сопротивляется происходящему как-то заторможенно-неубедительно...

Предваряя показ, Зайцев, воспользовавшись ненормативной лексикой, предупредил, что, может, этот миниспектакль всего-то единожды будет предъявлен публике, но

■ "Чума" осталась позади. Можно расслабиться.

он очень важен самому художнику как выкрик протеста против сломавшегося нормального течения жизни на нашей родине. Которую он хочет видеть иной. Как из первого показа, где все — красота и пробуждение. Мо-

жет быть, художнику действительно суждено преодолевать временные барьеры гораздо раньше всех иных прочих? Если так, то намеченный Зайцевым путь вселяет надежду.

Ирина ЛОБАЧЕВА.

Фото Александра ИВАНИШИНА.